

О капитане Кюнене

Я долго жил в Нижнем, и часть моей души осталась на Волге. Поэтому, давно расставшись с нею, я продолжаю следить за всем, что на ней происходит, и просматриваю приволжские газеты.

На днях они принесли небольшое известие, которое, конечно, утопает среди грохота огромных трагических событий, но в котором тем не менее слышится характерная и глубокая драма.

Существует «Пароходное общество по Волге». Старое Общество, путившее по реке глубокие бытовые корни. И в этом Обществе долго существовал капитан М. И. Кюнен. Кюнен считался хорошим капитаном. Служил давно, много лет «бегал» по Волге мимо гор и лугов, знал каждый буерак и каждый шихан в Жигулях, и много помощников выучилось под его руководством.

И был этот капитан немецкого происхождения. Волга сжилась давно с такими капитанами Кюненами, как сжилась ниже Казани с татарами и мордвой, а в низовьях с калмыками и немцами из Сарепты. Уберите с Волги Сарепту, которая видела Пугача и великие волжские смятения, и уже Волга станет не та; в ее настоящей стародавней физиономии произойдет какой-то изъян, что-то нарушится бытовое, неотъемлемое, коренное. Все это уже сжилось с нею, вросло корнями в ее бытовую почву, стало ее органической чертой, как пароход «американского типа», без которого, после «немца» Зевеке, Волга была бы уже не Волга.

Но... в том то и дело, что все-таки капитан Кюнен - немец по происхождению. Фамилия как будто не совсем немецкая; звук отчасти французский. Быть может, когда-нибудь какой-нибудь французский гугенот переселился в Пруссию во время гонений... потом беспокойная кровь погнала его дальше, попал он в остзейский край, оттуда - на Волгу, на которой и обжился. Его, конечно, знали на пароходах волжского Общества, и, быть может, этим или прошлым летом пассажиры не раз спрашивали: «А где же это капитан Кюнен? Почему его не видно?»

Но капитана Кюнена на Волге нет. Капитан Кюнен не служит более. Его фигура не украшает пароходного мостика, когда пароход несется меж жигулевскими горами или дымит над астраханскими песчаными раздольями: капитан Кюнен переселился на сушу и... на нижегородском базаре продает вместе с базарными торговками арбузы...

Как это могло случиться? Откуда такой странный поворот в жизни волжского капитана и почему он, бывалый и опытный капитан, сел под старость на эту арбузную мель, точно новичок, заехавший в весеннюю водополь «в поповский огород»?

Не смейтесь, читатель... Я лично не знаю капитана Кюнена, но я знал много волжских капитанов, и потому чувствую всем сердцем трагедию славного

капитана Кюнена, о котором говорит и которого хвалит орган волгарей «Судоходец». Я знаю, что все волжские капитаны крепко ругают и свою службу, и ее трудности, и мели, и перекааты, и путейцев, небрежно обставляющих фарватер, и сигнальщиков, поздно зажигающих фонари, и ленивые плоты, загораживающие стрежень, и грузные беляны, ползущие, как толстые, отяжелевшие купчихи с обедни... Много крепких слов носится над Волгой по адресу бурлаков на плотках, водоливов на баржах, встречных товарищей-капитанов... Но не одно из этих крепких словечек направляется тоже по адресу собственной горькой судьбины... Каждый капитан прокликает день и час, когда он впервые взялся за рупор, особенно «об ярмарку», да и в мелководье, но... все-таки судьба волжского капитана - умереть с честью в своем звании. Разве расшибет преждевременно ревматизм от сырых ночей да от осеннего ветра, или хватит «кондрашка» от неумеренного согревания в буфете...

Но капитан Кюнен еще в «полной силе», и никаких «естественных причин» для оставления службы не было. Вся беда в том, что он – русский подданный, служивший верой и правдой матушке-Волге – все-таки считается человеком «немецкого происхождения» (может быть, от дедов и прадедов), и кому-то, очевидно, показалось обидным, что... быть может, когда он поддерживает в критические минуты неизбежную капитанскую словесность, то при этом над Волгой раздается слегка немецкий акцент. И это теперь нарушает гармонию волжских звуков... «М. И. Кюнен лишен места потому, что он – «немец»», так и сказано в местной газете. Не германский подданный даже, а просто русский немец, потомственный подданный Русского государства, отдавший свою жизнь честной работе на великой русской реке. И теперь его, быть может, с семьей ссадили с нее и посадили с базарными торговками продавать арбузы.

Сомневаюсь, чтобы капитан Кюнен сразу же принялся за это несоответствующее занятие. Наверное, он пытался еще войти в другой фарватер, причаливал к другим пристаням... Но всюду ему «рубили чалки», и несчастная судьбина капитана Кюнена неслась как суденышко без руля, толкалась на разные мели среди таких знакомых, но ставших вдруг холодными и чужими волжских берегов...

Капитан Кюнен растерял груз, впал в нищету, и лишь тогда пришлось ему вспомнить об арбузах, которые когда-то он возил на палубе рубки снизу из Астрахани и Дубовки...

Что делать! Таким вот образом матушка-Волга проявляет ныне свой патриотизм. Долой немцев!... И не того немца, который рвется через наши боевые линии у Двинска или стучится в южные двери через Румынию. А нашего русского капитана Кюнена, приготовившего для Волги не одно поколение волжских капитанов... То есть человека, ни в чем не повинного и имевшего законное право на защиту всей своей жизни, определившейся долгим и честным трудом на великой сердцевиной реке...

Историю карьеры капитана Кюнена и крушение ее, быть может, под конец жизненного рейса, рассказала нижегородская газета «Судоходец», - рассказала, по-видимому, с сочувствием. Другая газета, «Нижегородский Листок», воспроизводящая это печальное происшествие со старым и заслуженным волжским капитаном, говорит по этому поводу, что это кажется автору не проявлением патриотизма, а проявлением бессердечия.

Да, конечно, это-проявление бессердечия и несправедливости... Неужели матушка-Волга испугалась до такой степени, что видит истерические страхи и опасности от своих давних работников... И в то время, когда так нужны люди, она гонит их с рубки парохода на арбузную кучу...

Я уверен, что это не так, что злое выражение не настоящее выражение волжского облика. Слепление и страсть часто выдвигают наружу худшие чувства и несправедливые побуждения.

Да, конечно, - судьба капитана Кюнена - только маленький эпизод, обида маленького человека... Но... подумайте, читатель, сколько теперь таких Кюененов по лицу широкой Руси, сколько их терпит крушение без вины и даже с большими запугами перед отечеством, сколько слез и обиды, и - главное - слез невинных, обиды незаслуженной терпят эти тысячи людей лишь за то, что их предки были немцы в то время, когда мы с немцами дружили... И вы, быть может, согласитесь, что история капитана Кюнена - не мелкое происшествие с отдельным маленьким человеком, а широкий, как волжский разлив в водополье ненужной несправедливости, за которую благодусшной России после того, как схлынет мутная волна, может стать жалко и стыдно.

Из: «Русские ведомости», Петроград, № 258 от 8 ноября 1916 года.

Примечания:

Нижний – Нижний Новгород (в 1932-1990 годах Горький), основной торгово-финансовый и промышленный центр Поволжья, место проведения крупнейшей в дореволюционной России ярмарки

Буерак - название неглубоко врезанных оврагов центральной части Восточно-Европейской равнины.

Шихан – холм с хорошо выраженной верхушкой, макушка горы

Жигули – горы на правом берегу реки Волги, на дугообразной излучине реки возле города Самара (так называемая Самарская Лука)

Сарепта – колония гернгутеров, основана в 1765 г. С 1931 г. располагается в черте города Волгоград (в 1925-1961 годах Сталинград)

Пугач – протонародное произношение имени Пугачева, который возглавлял восстание казаков в 1773-1775 годах

Зевеке – Альфонс Александрович **Зевеке** (1822-1887), русский предприниматель немецкого происхождения. Создал частное пароходство и оснастил его судами «американского» типа – двухпалубными пассажирскими, а позже и плоскодонными деревянными с двигательными колесами, расположенными за кормой. Эти суда первоначально получили распространение на Миссисипи и др. американских реках

Гугеноты – приверженцы протестантизма во Франции в 16. – 18. веках. Из-за преследований многие были вынуждены эмигрировать. Небольшая часть гугенотов поселилась в России.

Остзейский край - в Российской империи общее название Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, современные территории Эстонии и большей части Латвии. Эти губернии имели особую юрисдикцию, здесь исторически господствующие сословия – дворянство, бюргерство, духовенство – принадлежали в большинстве своем к немецкой национальности

Заехать в «поповский огород» - здесь: сесть на мель

Стрежень – глубокая часть речного русла с быстрым течением

Беляна – самоходное речное деревянное судно типа барки, применявшееся до конца XIX века для сплава леса, дров и строительных материалов в низовье реки Волги

Бурлаки – рабочие, которые в группе с помощью канатов перетягивают суда против течения

«Об ярмарку» - разговорный язык: во время ярмарки

Кондрашка – нервный удар, паралич

Чалка – канат, которым речное судно удерживается у берега. *Рубить чалки* – в переносном смысле: отталкивать, отказывать, не позволять закрепиться

Двинск – русское название г. Даугавпилс (по немецки Dünaburg) в Латвии в 1893-1917 годах